

© 2016 г.

А.А. МАНУХИН

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 года В “ПРОГРЕССИСТСКОЙ” ОБЩЕСТВЕННО- ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ США

Роль США в событиях Русской революции 1917 г. и Гражданской войны – не новая тема в исторических исследованиях. Историков интересуют вопросы дипломатии, военной и экономической политики, идеологии, которые привели к тому, что Д.Э. Дэвис и Ю.П. Трани назвали “наследием Вудро Вильсона”¹. Уже на рубеже 20–30-х годов XX в. вышли исследования, надолго определившие дружественное отношение значительной части англо-американских историков к взаимодействию нового Советского государства с внешним миром, в частности, по своему осуждению интервенции².

После Второй мировой войны в американской историографии были созданы ставшие классическими работы Дж.Ф. Кеннана и А.С. Линка³. Последующие историки вступали в полемику с ними, особенно с Линком, встроившим русскую политику Вильсона в его “моральную дипломатию”. “Ревизионисты” 60–70-х годов XX в. часто придавали новое звучание аргументам, выдвигавшимися противниками изоляции Советов в межвоенный период⁴. Были созданы исследования, детально рассматривающие роль представителей различных группировок в рамках американского либерализма в курсе Вашингтона по отношению к Советской России и СССР⁵.

Советская историография в послевоенное время также изучала взаимодействие революции с внешним миром. Находило отражение и влияние русской революции на американскую внутриполитическую обстановку, общественные движения⁶. Со временем исследователи начали рассматривать действие американского

Манухин Алексей Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории факультета социальных и гуманитарных наук Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана (Москва, Россия).

¹ Дэвис Д.Э., Трани Ю.П. Первая холодная война. Наследие Вудро Вильсона в советско-американских отношениях. М., 2002.

² Schuman F.L. American Policy toward Russia since 1917. New York, 1928; Fischer L. The Soviets in World Affairs: A History of Relations between the Soviet Union and the Rest of the World. London, 1930.

³ Kennan G.F. Russia Leaves the War. Princeton, 1956; *idem*. The Decision to Intervene. London, 1958; *idem*. Russia and the West under Lenin and Stalin. Toronto, 1961; Link A.S. Wilson the Diplomatist. New York, 1974; *idem*. Woodrow Wilson. Revolution, War and Peace. Arlington Heights, 1979.

⁴ Gordon Levin N. Woodrow Wilson and World Politics. New York, 1968; Gardner L.C. Wilson and Revolutions, 1913–1921. Philadelphia, 1976; Unterberger B.M. Woodrow Wilson and the Russian Revolution. – Woodrow Wilson and a Revolutionary World, 1913–1921. Chapel Hill, 1982.

⁵ Lasch Ch. The American Liberals and the Russian Revolution. New York – London, 1962; Filene P.G. Americans and the Soviet Experiment, 1917–1933. Cambridge (Mass.), 1967.

⁶ Фураев В.К. Октябрьская революция и общественное мнение США (1917–1920 гг.). М., 1967; Ганелин Р.Ш. Россия и США, 1914–1917 гг. Л., 1969; *его же*. Советско-американские отношения, 1917–1918. М., 1975.

внешнеполитического механизма в “русском вопросе” в рамках общемировых процессов революционной модернизации⁷. В постсоветской отечественной американистике также стало уделяться внимание “цивилизационному” взаимодействию России и США⁸. В большинстве работ авторы обращаются к позиции представителей американских общественных движений, неформальной дипломатии и “мягкой силы” в эпоху русской революции как к одной из составляющей “либерального интернационализма” президента В. Вильсона (1913–1921). Справедливо отмечается, что без влияния многочисленных советников его внешняя политика никогда бы не стала столь противоречивой⁹. Достаточно хорошо изучена подготовка принятия решения об интервенции в Россию в 1918 г., ее развитие и результаты. Но при этом остается без ответа один существенный вопрос: что именно представляли собой участники русской революции в глазах творцов внешней политики США и их советников, а также широкой общественности.

Настоящая работа посвящена установлению того, как понималась в США русская революция, ее движущие силы и участники, и насколько большое значение это имело для выработки конкретных шагов. В центре внимания будут находиться в основном носители “прогрессистского”, в широком смысле этого термина, мировоззрения. К их числу относились буржуазные “реформисты” и правые социалисты, поддерживавшие внутривластный курс Вильсона, левые либералы, всегда настроенные более критично. При всех различиях, их объединяли неприятие идеологии господства безудержной экспансии американского капитала и готовность в принципе признать необходимость революций. Вместе они выступали проводниками того, что сейчас принято называть “мягкой силой”: комплексом дипломатических, экономических, пропагандистских мер, используемых в проведении внешнеполитического курса.

Общественная мысль накануне и во время Первой мировой войны лишь отчасти могла подготовить американцев к восприятию событий в России. С одной стороны, на протяжении уже примерно четверти века в США развивалось прогрессивное движение, стремившееся к “оздоровлению” общества без отхода от базовых демократических ценностей. Так, Г. Кроули, один из основателей журнала “The New Republic”, писал: “Если человеческую натуру и нельзя улучшить с помощью институтов, то демократия представляет наиболее безопасную форму политической организации”¹⁰. Расширение участия граждан в политике и государственном управлении было целью таких организаций, как Социалистическая партия Америки Ю. Дебса и Прогрессивная партия экс-президента Т. Рузвельта, вступивших в борьбу за Белый дом на выборах 1912 г. С другой стороны, в отношении к внешнему миру носители прогрессистской идеологии часто рассматривали проблемы колоний и развивающихся стран в духе постулатов о “бремени белого человека”. По выражению К. Лэша, они

⁷ Gardner L.C. Safe for Democracy: the Anglo-American Response to Revolution, 1913–1921. New York, 1984; Foglesong D.S. America's Secret War against Bolshevism: U.S. Intervention into the Russian Civil War, 1917–1920. Chapel Hill – London, 1995; The Global Ramifications of the French Revolution. Cambridge, 2002; Дэвис Д.Э., Трани Ю.П. Кривые зеркала: США в их отношениях с Россией и Китаем в XX веке. М., 2008.

⁸ Печатнов В.О. Уолтер Липпман и пути Америки. М., 1994; Романов В.В. В поисках нового миропорядка: внешнеполитическая мысль США (1913–1921 гг.). М. – Тамбов, 2005; Литников С.В. США и революционная Россия в 1917 году. М., 2006; Мальков В.Л. Россия и США в XX веке. М., 2008; Журавлева В.И. Понимание России в США: образы и мифы, 1881–1914. М., 2012.

⁹ Neu Ch.E. Woodrow Wilson and His Foreign Policy Advisers. – Artists of Power: Theodore Roosevelt, Woodrow Wilson and Their Enduring Impact on U.S. Foreign Policy. Westport (Conn.), 2006, p. 77–78.

¹⁰ Croly H. The Promise of the American Life. Cambridge (Mass.), 1909, p. 400.

полагали, что “людям предначертано судьбой носить ботинки и быть прихожанами Методистской Епископальной Церкви”¹¹.

Американское общественное сознание соперничало усилиям по свержению тирании. Порой официальные одобрения этому исходили из уст первых лиц государства. Например, В. Вильсон, выступая в Индианаполисе 8 января 1915 г., затронул вопрос о судьбе революционной Мексики: “Билль о правах штата Виргиния, которого я придерживаюсь, предусматривает, что каждый народ может устанавливать правительство по собственному усмотрению. Так вот, 80% мексиканцев до сих пор не имели возможность влиять на то, кто и как ими управляет... Страна принадлежит им, свобода, если они смогут ее добиться, и да поможет им в этом Бог, также будет принадлежать им. Это не мое и не ваше дело, когда и каким путем они придут к ней”¹². Впрочем, позиция Вильсона для большинства американцев выглядела слишком смелой, им была ближе собственная освободительная революция, как самая бескровная и “конструктивная”¹³.

В историографии неоднократно отмечалось, что образ России рисовался в США чаще в черно-белых тонах. Одна крайность – империя без элементарных гарантий неприкосновенности личности и собственности, деспотия царя и чиновников, вынуждающих народ отвечать бомбами, револьверами и бунтами¹⁴. Этому активно способствовали русские политические активисты, как либералы, так и социалисты, эмигранты, число которых в Америке неуклонно росло. Другой портрет, нарисованный интеллектуалами-русофилами вроде филантропа Ч. Крейна, публициста и путешественника Дж. Кеннана и одного из первых американских ученых-славистов С. Харпера, идеализировал русский крестьянский “мир”, указывал на глубокую духовность православия, его особую роль в становлении и развитии русской цивилизации, подчеркивал такие черты русских, как нравственность, открытость и добродушие¹⁵.

Вступление авторитарной России в Первую мировую войну в союзе с демократическими Великобританией и Францией стало “моральной проблемой” для американских интеллектуалов. Они были убеждены в ослаблении царской власти в результате войны и возможном государственном переустройстве. В 1915 г. умеренный социалист У.И. Уоллинг писал, возлагая надежды на неизбежность реформ в России: “Мы в Америке склонны смотреть на 180-миллионную русскую нацию глазами 5 млн инородцев”¹⁶. Все это оказалось плохой подготовкой к развитию событий после Февраля. Представители американского академического сообщества поздравляли лидеров партии кадетов и первого министра иностранных дел Временного правительства П.Н. Милокова со свержением самодержавия, призывая работать над тем, чтобы “эволюция завершила работу революции”. Деятельное участие в строительстве новой жизни должны были принять возвращающиеся на родину эмигранты¹⁷.

Первое время у американцев не было серьезного беспокойства о скорой радикализации революции. Харпер 16 марта 1917 г. писал сыну Крейна Ричарду, личному секретарю госсекретаря США Р. Лансинга: “Цель революции – та же, что была у Думы и общественных организаций на протяжении последних полутора лет: создать условия, которые позволят России проявить всю свою силу”¹⁸. 27 марта президент Гарвардского университета Ч.У. Эллиот в письме президенту Вильсону утверждал:

¹¹ *Lasch Ch.* Op. cit., p. 2.

¹² *The Papers of Woodrow Wilson* (далее – PWW), in 69 v., v. 32. Princeton (N.J.), 1980, p. 37–38.

¹³ Журавлева В.И. Указ. соч., с. 626.

¹⁴ *Harper S.N.* *The Russia I Believe in.* Chicago, 1945, p. 10.

¹⁵ Дэвис Д.Э., Трани Ю.П. Кривые зеркала..., с. 66.

¹⁶ Журавлева В.И., Фоглесонг Д.С. Русский “Другой”: формирование образа России в США (1881–1917). – Американский ежегодник-2004. М., 2006, с. 274.

¹⁷ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ), ф. 579. П.Н. Милоков, оп. 1, д. 4969, л. 2.

¹⁸ PWW, v. 41. Princeton (N.J.), 1983, p. 417.

“На данный момент революция в России представляется мне наилучшим результатом войны, в том, что касается будущего благополучия человечества”¹⁹. Ожидалось, что демократическая Россия превратится в силу, способную нести бремя военных усилий. Подготовка администрации Вильсона к вступлению США в войну на стороне Антанты подстегивала нетерпеливость американцев.

6 апреля 1917 г. США и Россия стали союзниками в войне. Американская дипломатия долгое время не осознавала шаткости положения Временного правительства. Посол в Петрограде Д. Френсис сообщал, что кабинет князя Г.Е. Львова отражает все нападки Совета рабочих и солдатских депутатов. Он докладывал Лансингу 21 апреля 1917 г.: “Крайний социалист или анархист по имени Ленин выступает с неистовыми речами, укрепляя тем самым правительство; ему умышленно дают продолжать и в подходящее время вышлют”²⁰. Однако Лансинг сделал вывод о том, что перспективы России далеко не безоблачны. Уже 11 апреля он писал президенту: “Нужно помешать социалистическим элементам в России провести в жизнь программу, которая уничтожит эффективность союзных держав” и предложил направить в Россию комиссию для исследования положения, помощи советами Временному правительству и проведения переговоров о займах и кредитах. В нее предполагалось включить лидера Американской Федерации труда (АФТ) С. Гомперса, для влияния на рабочий элемент²¹.

Так начиналась история миссии в Россию во главе с сенатором Э. Руттом. В итоге “рабочий элемент” Америки в ее составе представлял не консервативный Гомперс, а его заместитель Дж. Данкэн и правый социалист Ч.Э. Рассел, активный сторонник объединения усилий рабочих союзных стран для войны. Обладатель миллионного состояния, Рассел был удобной мишенью для поворота агитации русских интернационалистов против тех рабочих лидеров, которые поддерживали войну. Не добившись успеха у московских и петроградских рабочих, Рассел, тем не менее, осознал силу Советов и антивоенных настроений²². В августе он писал, что Восточный фронт является главным, и положение на нем “полностью зависит от состояния умов в массе русского народа”. Надо ему объяснить, “за какие цели воюет Америка”, поскольку “большинство русских считает, что мы воюем ради наживы”²³.

Позиция Рассела отражала взгляды американских “военных социалистов”. Дилемму об участии в войне они решили за счет идеи “социалистического интернационализма”, под которым понималась широкая реформистская политика. Участие США в войне поддерживали такие публицисты, как Рассел, Уоллинг, Э. Пул, Д. Спарго²⁴. Так, Спарго, старый член Социалистической партии Америки, писал Вильсону сразу после его речи к Конгрессу о вступлении в войну: “Душой я уже надел хаки”. Он утверждал на Чрезвычайном конвенте социалистов: “Теперь, когда война стала свершившимся фактом, мы считаем, что наш долг состоит в том, чтобы помочь нашей стране и ее союзникам выиграть войну как можно скорее”²⁵. Став основателем альянса “Американские рабочие за свободу и демократию”, а затем Социал-демократической лиги, Спарго превратился в важного агента администрации Вильсона по мобилизации рабочего общественного мнения.

¹⁹ Ibid., p. 481.

²⁰ Papers relating to the Foreign Relations of the United States (FRUS). 1918. Russia, v. 1. Wash. (D.C.), 1931, p. 27.

²¹ PWW, v. 42. Princeton (N.J.), 1983, p. 36–37.

²² Ганелин Р.И. Россия и США, 1914–1917, с. 183.

²³ The New York Times, 13.VIII.1917.

²⁴ Thompson J.A. Reformers and War: American Progressive Publicists and the First World War. Cambridge (Mass.), 1987, p. 185–193.

²⁵ Radosh R. John Spargo and Wilson’s Russian Policy, 1920. – Journal of American History, 1965, v. 52, № 3, p. 550.

Важно понимать, что для них подлинными социалистами были лишь те, кто поддерживал участие в войне с Германией. Именно “тевтонский милитаризм” представлялся им главным препятствием для построения социальной справедливости во всем мире. Интернационалистские силы, подобные большевикам в России, они вообще выводили за рамки “социализма”, некорректно применяя к ним термины “анархисты” или рассматривая их как агентов Германии. Проявлением последнего стала декларация против Стокгольмской социалистической конференции, подписанная Расселом, Уоллингом и Пулом. Представитель левого крыла Социалистической партии Америки, антивоенный социалист М. Хилквит, в письме Лансингу указывал на необоснованные обвинения в том, что вся конференция – “немецкий трюк”²⁶. По сути, их линия сводилась к поддержке русского “оборончества”, при явном непонимании узости его базы.

На другом фланге прогрессизма были иные настроения. Левые либералы ожидали увидеть в России деятельность “пробудившихся масс”. К. Лэш объединял этих людей в категорию “антиимпериалистов”²⁷. При этом они отличались друг от друга пределами, до которых считали возможным развитие революции. Среди них следует назвать таких видных публицистов, как У. Вейл, Л. Колкорд, Н. Хэпгуд, Л. Стеффенс. Последний в 1917 г. также лично ознакомился с положением в России. Знаменитый “разгребатель грязи” начала XX в., он в 1916 г. совершил путешествие по Мексике, сделав ряд далеко идущих выводов о развитии революции в этой латиноамериканской стране. Стеффенс пытался выступать в роли посредника между Вильсоном и мексиканским президентом В. Каррансой, когда посланный в Мексику экспедиционный корпус бригадного генерала Дж. Першинга едва не вступил с мексиканской армией в полномасштабные боевые действия, приписав себе решающую роль в разрешении этого конфликта²⁸. По его мнению, либерально-реформистское правительство Каррансы строило “экономическую демократию” – передовую форму общественных отношений. Неотъемлемой ее частью должно быть нарушение прав и свобод индивида в интересах всего общества²⁹.

С такими воззрениями он отправился в апреле 1917 г. в Россию вместе с Ч. Крейном и военным корреспондентом У. Шепардом. Вопреки “радикальной теории”, предсказывавшей революции в развитых индустриальных странах, в Европе революция вспыхнула в “отсталой” России, где, “как и в Мексике, крестьяне были неграмотные, а рабочие неорганизованные”³⁰. Практически сразу же по прибытии в Петроград Стеффенс, по его словам, осознал, что Временное правительство – “не настоящее”, а настоящим правительством являлась “вонючая толпа, которую представлял собой Всероссийский Съезд Советов”. Посол Френсис, когда ему было указано на это, не проявил должного внимания. Как и вся западная дипломатия, русские “реформаторы американского типа”, вроде Милюкова, “не изучали революции”, а потому упустили ее начальный этап. Люди в России смешивали “демократию, анархизм, социализм и прочие учения, о которых они слышали”. “Я впервые в жизни увидел прямую демократию своими глазами”, – резюмировал Стеффенс³¹. Рабочие и солдаты, с которыми он попытался вступить в полемику на митинге во время первого кризиса Временного правительства, поразили его своим “глупым, но честным” пониманием свободы как “вседозволенности”³². Стеффенсу предстояло сыграть роль в формиро-

²⁶ PWW, v. 42, p. 268–269.

²⁷ Lasch Ch. Op. cit., p. 35.

²⁸ Steffens L. The Autobiography of Lincoln Steffens. New York, 1931, p. 736–740.

²⁹ Steffens L. Into Mexico – and Out! – Everybody’s Magazine, 1916, v. 34, № 5, p. 545.

³⁰ Steffens L. The Autobiography of Lincoln Steffens, p. 743.

³¹ Ibid., p. 748, 753.

³² Ibid., p. 755–756.

вании политики США в “русском вопросе” позднее, однако уже в 1917 г. он уже был готов оправдать большевиков.

Большую роль в выработке практических рекомендаций по русскому вопросу стали играть лица, вошедшие в созданный Белым домом осенью 1917 г. первый в истории американской внешней политики “мозговой центр” – рабочую группу “Исследование”, во главе с президентом Нью-Йоркского колледжа С. Мезесом. Ученые, журналисты, издатели объединили усилия в работе по достижению США желаемого исхода войны и послевоенного мироустройства. Неформальным “куратором” его стал советник Вильсона по внешней политике полковник Э.М. Хауз. Очень заметной фигурой в нем стал коллега Кроули по “New Republic” У. Липпман³³.

После второго кризиса Временного правительства и образования кабинета А.Ф. Керенского выкристаллизовалась идея пропаганды как основного оружия для удержания России в войне. 6 августа 1917 г. Липпман представил Хаузу “Меморандум стратегии союзников”. Ключевая идея заключалась в том, что Россия без помощи союзников будет просто вынуждена пойти на сделку с Германией, так как правительство кайзера имеет широкий выбор путей ее подчинения, в том числе такого, когда русская армия будет восстановлена при помощи немцев и поставлена под руководство диктатора. “Мы должны избежать минусов как слабого, так и сильного русского правительства”. Липпман предлагал провести конференцию вместе с представителями России, на которой будет создана Лига демократических наций, что найдет поддержку всех патриотических и антигерманских сил, позволив нейтрализовать действия “экстремистов”, стремящихся к выходу из войны³⁴. Спустя неделю Вильсон представил на рассмотрение Лансинга письма секретаря миссии Рута, издателя Стенли Уошборна. Автор, привлекая внимание к таким чертам русских, как “мягкость, добродушие и покорность с самыми благими намерениями, но в сочетании с медлительным умом”, также указывал на пропаганду как на единственное действенное средство. Государство в полном смысле этого слова отсутствует в России, поэтому надо иметь дело “с народом”. При этом американцам следовало проявить терпение, относиться к русским, “как к детям”. В качестве весомого аргумента он сообщал о поддержке американских предложений о пропаганде командующим Юго-Западным фронтом А.А. Брусиловым, который полностью обещал свое содействие в ее распространении³⁵.

В условиях восходящей звезды нового Верховного главнокомандующего, генерала Л.Г. Корнилова, опасения либералов, что немцы используют русских “реакционных монархистов” усилились. В их сознании русский консерватизм был почти неизменно прогерманским, следовательно, враждебным. Мятеж против правительства Керенского был встречен в США крайне негативно: подозревали, что им руководят немцы, поэтому Корнилову от всей души желали поражения, которое не заставило себя долго ждать³⁶.

“Патриарх” среди советников администрации в русском вопросе, Дж. Кеннан, неоднократно критиковал Временное правительство за его “робкую политику”³⁷. Один из столпов американской прогрессистской периодики, журнал “Outlook”, в редакции которого Кеннан работал и издавна публиковался, в редакционной статье 1 августа 1917 г. с тревогой отмечал: “Поражения России – это наши поражения. Все, что Германия выиграет у России, мы обязаны помочь компенсировать”. Кеннан считал, что главная ошибка таких людей, как Милюков, заключалась в “уступках идеалистам, теоретикам, социалистам и крайним радикалам”. Среди виновников распространения

³³ Печатнов В.О. Указ. соч., с. 74.

³⁴ PWW, v. 43. Princeton (N.J.), 1983, p. 407–408.

³⁵ Ibid., p. 460–461.

³⁶ Листиков С.В. Указ. соч., с. 179–180, 185–186.

³⁷ Foglesong D.S. America's Secret War against Bolshevism, p. 54.

в России утопических идей журнал упомянул М.А. Бакунина, П.А. Кропоткина и Л.Н. Толстого³⁸.

Штатный корреспондент "Outlook", Г. Мейсен, взял интервью у министра иностранных дел Временного правительства М.И. Терещенко, высказавшегося, что немецкие агенты зачастую орудуют в России под личиной анархистов и социалистов. Министр предупреждал, что сторонник дела союзников должен проявлять осторожность, передвигаясь по улицам Петрограда, так как на каждом углу он может столкнуться с митингом, которым управляет "подкупленный агент, изображающий из себя интернационалиста"³⁹. При всей легковесности вышеприведенных аргументов можно увидеть мотив, который еще долго преобладал в американских оценках: неспособность и несамостоятельность русских масс и политиков. Любые решительные шаги Россия могла предпринять лишь под эгидой внешних сил — союзников или немцев.

Осенью 1917 г. на авансцену вышли организации, располагавшие значительными финансовыми средствами для идеологической работы в России: Американский Красный Крест (АКК), Комитет общественной информации (КОИ), мощный пропагандистский орган под председательством Дж. Крила, созданный для координации действий администрации и прессы в войне, и Ассоциация молодых христиан (АМХ), неправительственная организация с большим количеством отделений по всему миру, распространявшая "современное" христианство вкупе с идеями прогресса. Между ними существовала конкуренция, и часто они видели противоположные пути решения "русского вопроса"⁴⁰. Наиболее заметными их активистами стали такие лица, как "ветеран" муниципального движения в Чикаго, полковник АКК Р. Робинс, журналист "Harper's Weekly" А. Буллард, возглавивший русское отделение КОИ, Э. Сиссон, ставший секретарем его Петроградской секции, и секретарь АМХ Д. Мотт, прибывший в Россию вместе с миссией Рута.

Буллард был единственным, кто не только посещал Россию накануне и во время революции 1905–1907 гг., но также был известен в ее социалистических кругах. В мае 1917 г. его рекомендовали Вильсону как американца, "лучше всех разбирающегося в русских социалистах, которого знают и ценят в России"⁴¹. Сам Буллард отказался сопровождать миссию Рута, поскольку желал "в полной мере проявить свои знания журналиста"⁴². Дж.Ф. Кеннан аттестовал его как обладателя "лучшего американского ума" из всех, кто побывал в революционной России⁴³. Прибыв в Петроград в июле 1917 г., Буллард и Сиссон издавали речи президента Вильсона, его обращения к Временному правительству, плакаты и листовки. Буллард написал несколько брошюр о дружественном отношении США к России и причинах ее вступления в войну⁴⁴. Крил, защищая Сиссона от обвинений в некомпетентности, в послании Вильсону обнаруживал, что к действиям в России он относился так же, как и к любой кампании "паблисити" в Америке: "Мне нужен человек... который проникнет в Россию, найдет нужных людей, организует связь, издательскую работу, показ фильмов, создание плакатов, точно определит, что мы хотим и чего мы не хотим"⁴⁵.

КОИ и АМХ развернули кипучую деятельность по изданию листовок для армии и тыла, устроили на фронтах демонстрацию фильмов о промышленной мощи Америки, ее идеалистических мотивах при вступлении в войну. Планировалось даже

³⁸ The Outlook, v. 116, I.VIII.1917, p. 499.

³⁹ Ibid., 29.VIII.1917, p. 545.

⁴⁰ Fike C.E. The Influence of the Creel Committee and the American Red Cross on Russian-American Relations, 1917–1919. — The Journal of Modern History, 1959, v. 31, № 2, p. 94.

⁴¹ PWW, v. 42, p. 254–255.

⁴² Ibid., p. 378.

⁴³ Kennan G.F. Russia Leaves the War, p. 49.

⁴⁴ Bullard A. Letters of an American Friend. New York, 1917; Bullard A., Poole E. How the War Came to America. New York, 1917.

⁴⁵ PWW, v. 44. Princeton (N.J.), 1984, p. 434–436.

издание солдатской газеты. Мотт был поражен темпами духовного “обновления” Русской православной церкви (“за последний год она в своем развитии претерпела больше изменений, чем за последние двести лет”). Некоторые русские архипастыри обращались к нему с просьбами “использовать американских лекторов для работы среди тыловых войск”⁴⁶. АМХ преследовала в России далеко идущие цели: ее руководство и представители на местах справедливо считали ее страной, переживавшей глубокий духовный кризис, чем следовало воспользоваться для победы над “реакционным” православием и распространения англосаксонского протестантизма⁴⁷. Незадолго до свержения Временного правительства АМХ сумела добиться от него права беспешинного провоза всех грузов по железным дорогам России⁴⁸.

Широкую работу вела миссия АКК, которой руководил миллионер-горнозаводчик У.Б. Томпсон, потративший 1 млн долл. из своего кармана, его правой рукой был Робинс. Наряду с предоставлением больших объемов гуманитарной помощи, миссия занималась пропагандой, в том числе с участием старых революционеров-народников Е.К. Брешко-Брешковской (“бабушка русской революции”) и Н.В. Чайковского, эсера Г.Г. Лазарева, генерал-майора С.К. Неслуховского и секретаря Керенского Д.В. Соскиса, составивших руководство Комитета по гражданскому воспитанию в Свободной России⁴⁹.

В самый день свержения Временного правительства Рассел передавал Вильсону свои соображения о наилучшем способе повлиять на ситуацию в России: “Если русская армия бежит и не хочет больше сражаться, так это потому, что русский народ не считает войну своей... Войну начал царь, один этот факт вызывает у рядового русского предубеждение против нее... Рядовой русский... признает лишь долг демократа сражаться за демократию... разъяснительная кампания в России должна проводиться строго в этом русле... Самым полезным будет показ фильмов и распространение листовок о борьбе за демократию во всем мире, с изображением героев-демократов и принесенных ими жертв”⁵⁰. О том, насколько эффективными были в России исторические примеры “героев-демократов”, рассказал в своих мемуарах Харпер. Еще летом 1917 г. он остановил на вокзале в Петрограде двух солдат и показал им портрет Дж. Вашингтона, сказав, что это борец за те же идеалы, за которые сейчас борются союзники. Единственной реакцией была глубокомысленная ремарка одного из солдат: “На вид богатый господин”⁵¹. Вильсон ответил Расселу, что “инстинктивно” он и сам так думает⁵².

Русские войска продолжали терпеть жестокие поражения: 3 сентября 1917 г. (н.с.) была сдана Рига. Однако американская пресса в большинстве своем не теряла оптимизма. Вспоминали, как в 1812 г. была оставлена Москва для достижения стратегической победы. Высказывались надежды на восстановление боеспособной армии правительством, которое возглавит страну по итогам выборов в Учредительное собрание⁵³. Скептические высказывания были немногочисленны. Так, в “New Republic” вышла статья Г. Брейлсфорда “Ключ к России”. Он указывал: “Главное — это мало-производительная промышленность России, ее протяженные и не отлаженные железные дороги... Скоро возникнет угроза голода... Ни речи Керенского, ни прокламации

⁴⁶ Ibid., v. 43, p. 13–14; v. 44, p. 66–69.

⁴⁷ Foglesong D.S. The American Mission and the “Evil Empire”: the Crusade for a “Free Russia” since 1881. New York, 2007, p. 40, 43.

⁴⁸ ГА РФ, ф. Р-200. Министерство иностранных дел Российского правительства, оп. 1, д. 130, л. 11.

⁴⁹ Salzman N.V. Reform and Revolution. The Life and Times of Raymond Robins. Kent (OH) — London, 1991, p. 188.

⁵⁰ PWW, v. 44, p. 557–558.

⁵¹ Harper S.N. Op. cit., p. 100.

⁵² PWW, v. 44, p. 558.

⁵³ The Literary Digest, 8.IX.1917, p. 16, 18.

Советов, ни даже смертная казнь не сможет заставить отсталую, заброшенную, примитивную, аграрную страну вести войну на современном индустриальном уровне”⁵⁴.

Переворот в ночь на 7 ноября не сразу восприняли всерьез даже в самом Петрограде. Разногласия во мнениях и предсказаниях была и в Америке. Стереотипы, сформировавшиеся на протяжении 1917 г., а подчас и раньше, играли ключевую роль в оценках ближайшей перспективы России. После того, как Совет народных комиссаров обратился к правительствам Четверного блока с предложением о мирных переговорах, отношение становилось все более негативным. Образы обманутого русского народа чередовались в американской прессе с карикатурами на “иуд” В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого. Постепенно возобладало мнение о предательстве Россией дела союзников, которое не должно остаться безнаказанным⁵⁵.

21 ноября журнал “Outlook” опубликовал панегирическую статью о Брежневской, а также ее “Послание к американскому народу”, в котором она возлагала вину за переворот на немецких агентов, щедро снабдивших деньгами “черносотенцев” и обманувших “некультурный народ”. При этом “крестьяне, рабочие и особенно лучшая часть армии, казаки, это все республиканцы и больше не допустят никаких изменений”⁵⁶. Редакция получила письмо читателя к Кеннану, в котором тот утверждал: “Всем нам известно, что с начала и до конца революция в России была вызвана социалистическо-анархической группой, а респектабельные элементы никогда не имели к ней отношения”. Кеннан поспешил ответить, что Февральская революция была венцом “полувековой борьбы за свободы” настоящих революционеров — дворян и примкнувших к ним представителей буржуазии и “людей ручного труда”. Настоящие революционеры “бегут от большевизма, как от чумы”. Своими сепаратными переговорами с врагом, публикацией секретных договоров и действиями против частной собственности лидеры большевиков скомпрометировали слово “социализм”, отождествив его с “анархизмом”⁵⁷.

Никакие указания консулов и военного атташе в Петрограде, бригадного генерала У. Джадсона, на то, что большевики “пришли надолго”, потому что русское население и в особенности разложившаяся армия, не доверяют союзникам и не хотят сражаться, не могли переубедить сторонников пропагандистских методов⁵⁸. Крил требовал от Сиссона: “Продолжайте трудиться, не считаясь с расходами... Опровергайте слухи о том, что поставки прекратятся. Пусть Брежневская и другие издают заявления и переводят памфлеты. Используйте АКК и АМХ, насколько это возможно”. В то же время у сторонников администрации из числа прогрессистских интеллектуалов постепенно формировалось иное отношение к большевистскому перевороту. 3 декабря 1917 г. корреспондент газеты “Philadelphia Public Ledger” и постоянный автор статей в журнале “Nation”, Л. Колкорд, писал президенту о необходимости отправки в Россию новой миссии, которой надлежало исправить ошибки миссии Рута. Она должна была по-настоящему разделять идеалы вильсонизма, объяснить их России, но при этом не состоять из социалистов.

Послание Колкорда можно назвать “манифестом” американского левого либерализма в русском вопросе. “Я с самого начала говорил и писал, что большевики не такие черные, какими их малюют... мы отказывались признать, что 150 германских дивизий все еще удерживались на Восточном фронте... Мы увидим, что большевики принесли в Россию не хаос, а порядок... Разумеется, нас не интересует внутренняя политика большевиков. Она содержит в себе радикальную программу, но Россия готова к радиальной программе... Сейчас большевики создадут коалиционное правительство,

⁵⁴ The New Republic, v. 12, 20.X.1917, p. 321, 324.

⁵⁵ The Literary Digest, 8.IX.1917, p. 15, 17.

⁵⁶ The Outlook, v. 117, 21.XI.1917, p. 461.

⁵⁷ Ibid., 19.XII.1917, p. 638–639.

⁵⁸ PWV, v. 45. Princeton (N.J.), 1984, p. 104–105.

представляющее всю России... это коалиционное правительство должно быть признано. Россия не хочет сепаратного мира, она будет требовать от Германии настоящего демократического мира”, – писал он⁵⁹.

Вильсон, который всегда чутко улавливал сигналы, исходившие от его сторонников, оформил эти предложения в собственную оболочку. В ежегодном послании Конгрессу он заявил: “Голоса человечества... призывают к тому, чтобы итоги этой войны не стали ни для кого приговором... Именно эта мысль была выражена в формуле “без аннексий и контрибуций”. Лишь потому, что эта простая формула отвечала здравому суждению рядовых людей, она была использована хозяевами Германии для того, чтобы сбить с пути истинного русский народ, и любой другой, куда бы ни проникли их агенты, чтобы успеть добиться мира, прежде чем автократии будет преподан окончательный по своей убедительности урок”⁶⁰. Колкорд горячо приветствовал слова Вильсона о России. В статье “Послание может вернуть русских в строй” он писал: “Большевики – не анархисты... это единственное правительство в демократическом лагере, которое осмелилось раскрыть цели союзников в войне. Речь президента – непосредственный результат действий Троцкого... ничего, кроме твердого и бескомпромиссного идеализма, выраженного в речи президента, не сможет удержать в строю народы Англии, Франции и России”⁶¹.

Развитие событий заставило Вильсона приступить к сбору информации из различных источников, что вскоре дало знаменитые “14 пунктов”. В меморандуме группы “Исследование”, подготовленном 4 января 1918 г. Мезесом и Липпманом, отмечалось, что русская революция может оказать на Германию разрушительное влияние, что США и их союзники должны использовать. Она проникнута антикапиталистическим духом; русский народ не примет протестантскую Германию как “хозяина” по религиозным соображениям, а среди “умеренных”, которые обязательно скоро восстановят свое влияние, сильно развито “национальное чувство”⁶².

8 января 1918 г. Вильсон обратился к обеим палатам Конгресса, изложив свои “14 пунктов”. В той части, которая была посвящена России, фигурировали именно те посылы, которые исходили от его советников в течение последнего месяца. Не оправдывая большевистский переворот, президент подчеркнул объективные условия, предложив России гарантии “самого широкого и свободного содействия со стороны других наций”⁶³. Современные исследователи полагают, что неправомерно считать его позицию “смежной” или расширяющей идеи Ленина⁶⁴. Тем не менее, в который раз обратившись к “народу” другой страны через голову его правительства, Вильсон создал условия для маневрирования в “русском вопросе”.

Понимание большевиков как “радикальной”, но все же демократической, а не “реакционной” силы, от контактов с которой не следует отказываться, отделение их внешней политики от внутренней, наложило большой отпечаток на русскую политику Вашингтона с декабря 1917 по май 1918 г. Во многом такими соображениями руководствовался Робинс, когда стал выступать в качестве полуофициального канала связи между Советским правительством и Белым домом⁶⁵. Благодаря его миссии США долгое время не делали окончательного выбора в пользу борьбы с большевизмом. Говоря о себе как о принципиальном противнике социальных экспериментов большевиков, Робинс считал

⁵⁹ Ibid., p. 191–194.

⁶⁰ Woodrow Wilson: “Fifth Annual Message”, December 4, 1917. – <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=29558>

⁶¹ The Philadelphia Public Ledger, 5.XII.1917.

⁶² Ibid., p. 464.

⁶³ Wilson W. War and Peace. Presidential Messages, Addresses and Public Papers (1917–1924), v. 1–2. New York – London, 1970, v. 1, p. 160–161.

⁶⁴ Листиков С.В. “14 пунктов” и формирование “русской политики” Вудро Вильсона. – Российская история, 2015, № 6, с. 133–135.

⁶⁵ Мальков В.Л. Раймонд Робинс открывает новый мир. – Новая и новейшая история, 1970, № 2, с. 133–148.

необходимым “работать с фактами, которые указывали ему на возможность склонить их на сторону Америки”⁶⁶. Не случайно впоследствии он обвинял администрацию в промедлении, из-за чего Совнарком-де и пошел на заключение “похабного” мира с немцами (дружественное послание Вильсона IV Всероссийскому Съезду Советов выглядело как одобрение этого шага). Иллюзию готовности пойти на сближение с США Ленину удавалось поддерживать до самого отбытия Робинса из России⁶⁷.

“Прогрессистская” мысль США имела больше значение для восприятия американским обществом и политической элитой революции в России. Будучи сам по себе сложным явлением, прогрессизм порождал как отторжение в основном чуждого для Америки русского радикализма, так и попытки рационализировать его неизбежность и даже полезность. Это предопределило два подхода к проблеме выстраивания отношений США с участниками политической борьбы в России. Один из них был ориентирован на активное вмешательство в нее, главным образом, с целью дискредитации и ослабления большевиков. Наиболее ярким его выражением стала подготовка КОИ знаменитых “документов Сиссона”. Другой предполагал поддержание диалога с большевиками в ограниченных масштабах (миссия У. Буллита в Советскую Россию в 1919 г.), при этом позволяя антибольшевистским силам получать финансовую поддержку из США. Когда в России разгорелась Гражданская война, а США стали участниками союзнической интервенции, обе линии продолжали развиваться, не только внося путаницу в политику администрации Вильсона на русском направлении, но и создавая новые “мифы” в сознании американцев.

⁶⁶ *Salzman N.V.* Op. cit., p. 213.

⁶⁷ *Ibid.*, p. 272–273.